

СИЛА СМЕХА И СИЛА ДОБРА

НАШИ
ПУБЛИКАЦИИ

В. Г. КОРОЛЕНКО

В ГОСУДАРСТВЕННОЙ библиотеке СССР имени В. И. Ленина хранятся заметки и текст речи В. Г. Короленко о Николае Васильевиче Гоголе, произнесенной на открытии памятника великому русскому писателю в 1911 году на его родине в Сорочинцах. Ниже публикуется отрывок из речи В. Г. Короленко.

В

ПРЕЖНИЕ ВРЕМЕНА считалось, что художественная литература, особенно в драме и трагедии, может выводить только царей и героев, их добродетели, их борьбу, победы или несчастья. Обыкновенные люди,

люди простого, низкого, или, как еще говорили в старину, «подлого», звания могли служить только фоном, толпой, безличной массой, оттеняющей блестящие фигуры героев. Им же только и ставились памятники.

Наше время понимает слово «герой» уже более широко. В мире идет великая борьба не только на полях сражений, заливаемых людской кровью. Есть еще вечная борьба старого с новым, зверства с человечностью, предрассудка с истиной, прошлого и отживающего с тем, что нарождается и требует себе места.

Это великая борьба жизни. Долго еще ждать благословенного времени, когда борьба физическая исчезнет с лица земли и народы перекут мечи на орала. Но уже и теперь великое соревнование народов заметно переходит в другие формы. Народы терпят поражения и выигрывают битвы не только на полях сражений. Великий русский поэт Пупкин сказал как-то: «На попрнице ума нельзя нам отступать». Потому что это отступление есть поражение в борьбе, более жаркое, чем поражение военное. Мы могли быть разбиты на полях Маньчжурии. Но в то самое время, когда европейские газеты были полны описаниями наших поражений, на европейских книжных рынках явились переводы гениальных произведений Толстого и в театрах ставились пьесы Гоголя. И европейцы говорили: народ, который дал такие произведения, который выдвинул Гоголя и Толстых в искусстве, Менделеевых и Мечниковых в науке, не может считаться побежденным. Он поднимется от поражений и вновь окрепнет. Он не побежден в благородной, истинно человеческой борьбе на поле слова и мысли. Слово этого народа еще живо. А слово возрождает жизнь. Понятно поэтому, что герои слова теперь занимают свое место рядом с признанными героями прежних времен.

Слово выражает понятие. Оно выражает также образ, в котором чудесно соединяется множество понятий.

Гоголь был служителем такого образного слова, соединенного с особым настроением. Это настроение был смех. Но смех не простой, каким люди смеются от ценоктания или от пустого веселого анекдота. Смех его был особенный, сложный и глубокий. На памятнике над его могилой в Москве написан библейский стих: «Горьким смехом моим поспеюся». И действительно, под этим смехом таилась глубокая горечь. Это потому, что он смеялся над глубокими несовершенствами жизни. Может быть, такого глубокого, такого страшного, такого беспощадного изображения не вынес бы ни сам писатель, ни тот, кто его читал, если бы он не умел побеждать этот мир смехом — возвышенным и примиряющим. Кто еще может смеяться, тот не совсем ослаб. Гоголь смеялся сам и ободрял этим людей, давая силы на борьбу с ужасами того времени...

Чтобы бороться с неприятелем, нужно хорошо знать его приметы, его обычаи, его расположение. То же нужно и для борьбы со злом, которое разъедает и губит общества: нужно хорошо узнать это зло, его признаки и приметы. Это с величайшим искусством умел делать Гоголь. С ясновидением почти пророческим он умел различать все изгибы порочной человеческой природы и учил, как узнавать и разглядывать и скудость Плюшкина, и наглую дерзость Ноздрева, и веселое самозванство Хлестакова, и животную грубость Собакевича, и корыстолюбивое насильничество Сквозник-Дмухановских... И он изобразил все это и выставил всех напоказ, уча и нас узнавать и определять эти виды человеческой породы, как ученые зоологи определяют нам вредных насекомых. Этого мало. Собакевичи и Сквозник-Дмухановские, Ноздревы и Держиморды легче поддаются изучению. Гениальность Гоголя оказалась выше всего в умении вскрывать под располагающей наружностью и приятными манерами тонкое мощничество Павла Ивановича Чичикова и пошлость под слащавыми манерами Маниловых. Тот, кто прочитал внима-

тельно Гоголя и проникся его типами, сам научается узнавать в жизни то, что им изображено. И как часто под наружностью человека в высшей степени приятного мы узнаем нашего старого знакомого со страниц Гоголя.

Этого мало. Люди создают свои порядки, но и порядки создают в свою очередь людские характеры. Время Гоголя было время крепостного права, которым были пронинуты все отношения людей. Гоголь прямо крепостного права не касался, но он нарисовал нам людей, которые воспитывались на этих порядках, и при виде этой компании у всех невольно является мысль: есть что-то в нашей жизни, что порождает такие типы.

Если бы Гоголь обличал только своих современников, то его дело умерло бы с его поколением. Но вот мы через полстолетия открываем его памятники: это потому, что его образы не умерли. Он изображал глубокие тайники человеческой души. Меняются времена, меняются обычаи, но душа человека меняется не так скоро. И Гоголь учит нас узнавать человеческие и гражданские пороки под новыми оболочками. Стоит забыть, что жизнь требует постоянной работы и постоянного совершенствования, как уже начинает оживать старое, и гоголевские нравы подымаются, как сорные травы на запущенной ниве. И великий сатирик-обличитель указывает нам их своими живыми творениями. И в обществе опять подымается тревожное беспокойство, залог жизни и будущего исправления.

Сам Гоголь, может быть, живее всех чувствовал эту тревогу и всю свою жизнь, обличая, мечтал найти, наконец, выход и примирение. Рисую дурных людей, он тосковал по людям хорошим, звал их, мечтал о них, старался их выдумать, чтобы показать ободряющий пример. Но что значат эти искания? Нужно было в самой жизни найти силу добра. А это было трудно. Он писал и сжигал написанное, чувствуя, что поиски тщетны. Перед смертью он сжег много написанного, но то, что осталось, было великим уверением. Он указал, чего следует избегать. Другим поколениям пришлось думать над тем, что нужно делать. Это работа долгая, бесконечная, не под силу одному человеку. Но нам теперь дорог и этот горький смех, и эти тяжкие искания гениального страдальца. Он умер в печали, не подзревая, что близок час тяжкого испытания, посланного судьбой России его времени, и что близок также час обновления.

Неделя, 1963, № 51, 21 декабря